А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р институт востоковедения

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР МОСКВА— 1956

А. Л. ГАЛЬПЕРИН

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА О ЗАРУБЕЖНОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

в XVII в.—середине XIX в.1

(Краткий обзор)

Накопление сведений и материалов о зарубежных странах Дальнего Востока и изучение этих стран, прежде всего Монголии, Китая, а затем Японии и Кореи, началось в России одновременно с освоением Сибири (конец XVI—середина XVII в.). Русские в Сибири стали соседями монголов, китайпев. Выйдя на побережье Тихого океана (Иван Москвитин — 1639 г.) и начав плавание по Ламскому (Охотскому) морю (В. Поярков—1645 г.), они стали и соседями японцев 2, хотя не сразу узнали об этом. Интерес к зарубежным странам и народам диктовался не только желанием познакомиться с новыми странами, установить с ними добрососедские отношения, но и большой любознательностью, стремлением расширить свой кругозор 3. Реальные экономические интересы толкали русское правительство, торговых и промышленных людей к установлению торговых связей с дальневосточными странами, к ознакомлению с торговыми путями к ним и народным хозяйством этих стран.

Незнание восточных языков и трудность их освоения, своеобразие экономики, быта, государственной организации, религий зарубежного Дальнего Востока создавали значительные трудности в его изучении. Тем не менее уже первое знакомство русских с Сибирью и с дальневосточными народами

¹ В сокращенном виде статья была напечатана в «Очерках истории исторической науки в СССР», т. I, Изд-во АН СССР, 1955.

² Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. М., 1946, стр. 84, 87.

³ Т. Райнов. Наука в России XI—XVII вв. М., 1940, стр. 387 и сл. В Сибирь бежали люди, не ладившие с законами, не мирившиеся с закрепощением, они проявляли исключительную смелость и любознательность, предпринимая опаснейшие экспедиции.

обогатило европейскую науку важными сведениями о народах и странах Дальнего Востока, о морях, островах и жителях

островов Тихоокеанского бассейна.

Сведения эти первопачально носили, по преимуществу, географический, этнографический характер, освещали политическое устройство, народное хозяйство, торговлю дальневосточных зарубежных стран. Исторические данные лишь изредка вкрапливались в эти материалы. Ко времени выхода русских на Тихий океан в середине XVII в. европейские страны уже более ста лет вели регулярные сношения с дальневосточными странами. Тем не менее при скудости сведений тогдашней европейской науки о Дальнем Востоке русские материалы являлись и сейчас являются ценным историческим источником для изучения истории стран Дальнего Востока того времени. Не случайно весьма многие русские источники и исторические работы XVII-XVIII вв. и начала XIX в. о Китае, Монголии, Японии переводились на иностранные языки, например, описание путешествий в Монголию И. Петлина, который первым из русских посетил эти страны, Ф. Байкова, Н. Спафария, В. М. Головнина и др. 1

Большое значение для мировой науки имело описание всей Сибири от берегов Тихого океана, картографические, географические, этнографические и другие материалы о Сибири и со-

седних странах, прежде всего о Китае и Монголии 2.

В этой связи достаточно лишь упомянуть о чертеже Сибири, составленном по распоряжению тобольского воеводы П.И.Го-

² С. В. Бахрушин. Положительные результаты русской колонизации в связи с присоединением Якутии к русскому государству (Сб. Академии наук СССР, Якутский филиал, 1950). «Если бы не русские, то Азиатский материк оставался бы неизвестным в Европе, как истоки

Нила в центральной Африке до XIX в.».

<sup>Ф. И. Покровский. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака И. Петлина в 1618 г. (Мнимое путешествие атамана Ив. Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.) Известия ОРЯС; 1913, т. XVIII, кн. 4, стр. 260; см. также В. С. Иконников. Опыт русской историографии. Киев, 1908, т. 11, кн. 11, стр. 1901—1904. Путешествие Петлина переведено на английский, французский, латинский, немецкий, и голландский изыки. Маршрут Байкова напечатан у Витсена в искаженном виде, чем и пользовался Риттер всвоем «Землеведении». Сочинения Спафария о Китае и путешествия Байкова переведены на греческий язык; в Парижской национальной библиотеке имеется один из списков сочинения Спафария о Китае (см. И. Н. Михайловский. Важнейшие сочинения Спафария (1672—1677). Киев, 1894; Б. Г. К ур ц. Русско-китайские сношения в XVI—XVIII вв.). Путы Петлина был первоначально напечатан за границей через пять лет после его путешествия в известной книге Purchas «His Piligrimes». London, 1625, vol. III, libr III, р. 797—804.
² С. В. Бахрушин. Положительные результаты русской коло-</sup>

дунова в 1667 г., скопированном шведским офицером-разведчиком Э. Пальмквистом и использованном Н. Витсеном и другими 1. На чертеже П. И. Годунова указано, хотя и с большими неточностями, Китайское государство. О том, как происходило использование чертежа иностранцами, красочно повествовали они сами. Шведский посол Кронеман, прибывший в Москву в 1669 г., в своем письме сообщал: «Карту всех этих стран и Сибири и Китая, которую прислал недавно по указу его величества тобольский воевода Годунов, показали мне и я снял копию, получив позволение продержать её у себя целую ночь». Более откровенно писал об этом участник посольства К. И. Прютц: «Приложенную ландкарту Сибири и пограничных с ней стран я скопировал 8-го января 1669 года в Москве настолько хорошо, насколько это было возможно сделать с плохо сохранившегося оригинала, данного мне лишь на несколько часов кн. Иваном Алексеевичем Воротынским, с тем, чтобы я её только посмотрел, но отнюдь не счерчивал»².

В чертежной книге Сибири С. У. Ремезова (1697—1698), суммировавшей как европейские данные, так и данные Спафария, полученные им в Китае, были обозначены не только Китай, но и Япония (остров) и Корея (полуостров). «... карты Ремезова, — пишет А. В. Ефимов, — оказали большое влияние на развитие картографии». Например, они были использованы шведом Страленбергом (Таббертом), опубликовавшем свою

карту в 1725 и 1730 гг. 3

В описаниях путешествий русских посланников и гонцов в Китай и в инструкциях, получаемых ими, ярко обнаруживается тот значительный интерес, который московское правительство, промышленные торговые люди России проявляли к вопросам торговли с Китаем и к сведениям о торговле Японии. Так, в правительственной инструкции Байкову (1654) предписывалось узнавать о торговле, какие китайские товары покупать, какие русские посылать, о путях в Китай водных или сухопутных и т. д. Однако даже первые русские посланники

¹ А. В. Е ф и м о в. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Военгиз, 1948, стр. 58. Витсеп, недостаточно знавший русский язык, нанес на карту даже такое географическое название, как «Otsel Poshol» — отселе пошел.

² В. Кор дт. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1906; А. Титов. Сибирь в XVII в. Сборник старинных и русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890.

³ А. В. Ефимов. Указ. соч., стр. 78.
4 Н. Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань, 1882, стр. 9—12.

в Китай — Иван Петлин и Федор Байков, описания путешествий которых сохранились ¹, далеко не ограничивались сбором сведений, необходимых только для торговли, а давали подробные этнографические, географические и другие данные о быте, торговле и сельском хозяйстве монголов и китайцев, характеризовали пройденные маршруты, описывали Великую Китайскую стену, города, характер построек — домов и храмов, столицу Китая — Пекин и т. д. Большинство этих сведений, особенно собранных Байковым, отличаются точностью. Они были широко использованы за границей еще задолго до опубликования в России. Миллер приводил выдержки из путешествия Байкова, взятые им из французских и голландских переводов ².

Крупным вкладом в науку явилось «Описание первые части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городы и провинции», со-ставленное Н. Г. Спафарием во время посольства в Китай в 1675—1678 гг.³ Спафарий, располагая еще при выезде из Москвы многими материалами предшествующих русских путешествий в Китай, значительно пополнил свои сведения в Пекине, где пробыл свыше трех месяцев. Спафарий был знаком с западноевропейскими работами о Китае 4. В результате всестороннего ознакомления со всеми тогда доступными европейцам материалами о Китае «Описание», составленное Спафарием, являлось достоверным источником сведений о Китае, проникнутым духом большой симпатии и уважения к китайскому народу. Достаточно, например, привести такие фразы из этого сочинения: «. . . не токмо китайские люди зело любят отечество и для этого никуда вон из Китая не выходят, но и птицы в иные государства не желают ходить» или о любви китайцев к науке: «Нет такого государства на свете инаго, которое бы любил наче писание и обучение якоже ки-

² Д. М. Лебедев. География России XVII в. М.—Л., 1949, стр. 121; о посольстве Ф. И. Байкова см. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XII, стр. 593—594.

⁸ Н. Г. С п а ф а р и й. Описание первые части вселенныя. . . . Казань.

¹ Г. Спасский. Путешествие в Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1620 г. (Описано под заглавием: «Роспись Китайскому Государству и пообинскому и иным государствам жилым и кочевым улусам и великой Обе реки и дорогам»). «Сибирский вестник», ч. І, СПб., 1818, стр. 1—26; «Путешествие Федора Исаковича Байкова в Китай с 1654 по 1658 г.». Сибирский Вестник, ч. 2. СПб., 1820, стр. 113—136, 137—166.

⁴ А. С. Арсеньев. Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675—1678). «Вестник археологии и истории», вып. 17. СПб., 1906, стр. 162—239.

тайцы». В упомянутом сочинении Спафария кратко излагается история Китая с древнейших времен. Более подробно изложен период со времени прибытия европейцев и завоевания Китая маньчжурами. Спафарий дает подробное описание городов

и провинций, дорог, быта, религии, науки и т. д.

Николай Спафарий собрал также ценные сведения о русскокитайской торговле, начало которой можно отнести к середине XVII в. 1 Русско-китайская торговля, то расширявшаяся, то сокращавшаяся, иногда даже совсем прекращавшаяся, в силу административных мероприятий маньчжурского правительства, насчитывает, таким образом, трехсотлетнюю давность. Значительный интерес к ней русских торговых людей виден хотя бы из того, что в 1672 г. с правительственным гонцом в Китай Сейткулом Аблиным, взявшим с собой казенные товары для обмена и продажи, собралось ехать 43 торговца со своими товарами ². Более прочную правовую основу русско-китайская торговля получила по первому договору, заключенному между Россией и Китаем в 1689 г. в Нерчинске ³. Нерчинский договор был не только первым договором Китая с Россией, но и первым договором Китая с европейской державой 4. Взаимоотношения между Россией и Китаем по этому договору и договорам XVIII в. были основаны на полном равноправии сторон.

С 1695 г. правительство приступило к организации государственной торговли с Китаем путем регулярной посылки караванов; которые шли из Москвы через Сибирь в Пекин 5. Русские везли в Китай главным образом мягкую рухлядь, меняя ее там на золото, серебро, шелковые материи, фарфор, драгоценные камни и чай, который с конца XVIII — начала XIX в.

стал основным предметом вывоза из Китая 6.

² Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI—XVIII вв.,

E. Waltz. The Far Eastern History. Boston, 1953, p. 133. ⁵ Вначале через Нерчинск, а затем через Ургу.

¹ Б. Курц. Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII столетия. Киев, 1929, стр. 1.

стр. 39—40. ³ Пятая статья договора гласила: «Каким-либо ни есть людям проезжими граматами из обеих сторон для нынешния начатыя дружбы для своих дел в обеих сторонах приезжати и отъезжати до обоих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно, да повелено будет», цитируется по «Географическому обозрению Китайской империи». 3. Матусовского. СПб., 1888, стр. 029.

⁴ Даже западные буржуазные историки признают этот факт, хотя весьма скупо и неохотно пишут о русско-китайских экономических и политических связях в прошлом. См., например, о Нерчинском договоре,

⁶ Б. Кур д. Государственная монополия..., По нашим подсчетам среднегодовой вывоз товаров из России в Китай казенными

Так продолжалось более полустолетия (1699—1755). Государство держало в своих руках монополию торговли с Китаем, стремясь как можно меньше допускать к торговле мехами частных торговцев. Однако русские купцы и промышленники принимали, вопреки правительственным запрещениям, все большее участие в этой торговле 1.

Большой интерес московское правительство, торговцы и промышленники проявляли и к Японии. Когда в 1675 г. в Китай был направлен послом Спафарий, то в дополнениях к наказу, данному ему, сообщались краткие сведения о сопредельных с Китаем странах, в частности о Японии, Индии и т. д., и поручалось собрать о них сведения. Приведем текст этого сообщения, поскольку, очевидно, это первый русский документ, свидетельствующий об интересе, проявлявшемся правительственными кругами России к Японии. «За Китайским государством на востоце во окияне море, от китайских рубежей верст с семьсот лежит остров зело велик имя нем Иапония. И в том острове большее богатство, нежели в Китайском государстве обретается, руды серебряные и золотые и иные сокровища. И хотя обычай их и письмо тожде с китайским, однакожде они люди свирепи суть и того ради многих езувитов казнили, которые для проповедывания веры жали» ².

Западно-европейские путешественники впервые прибыли на японские острова еще в 1542—1543 гг. 3 и с тех пор до конца 30-х годов XVII в. поддерживали оживленные сношения с Японией. Русские же впервые попали в Японию лишь в 30-х годах XVIII в., поэтому совершенно естественно, что первые сведения о Японии в Россию поступили из Западной Европы. К середине

караванами в первой половине XVIII в. составил 39—41 тыс. руб. серебром («Труды статистического отделения Департамента таможенных сборов. Статистические сведения о торговле России с Китаем». СПб., 1909, и Б. К у р ц. Указ. соч.).

¹ О частной торговле до XIX в. см. Х. Трусевич. Посольские и торговые сношения России с Китаем. М., 1882, стр. 162: «Обороты княтинского торга становятся известными только с 50-х годов прошлого века; о прежних оборотах можно судить только потому, что отсюда китайцы вывозили в Пекин рухляди в 2—3 раза больше, чем казна, т. е. тысяч на 200—300; к 40-м годам XVIII в. торговля должна была простираться до 400—600 тыс. руб.».

² «Записки Географического общества по отделению этнографии», т. 10, вып. 1, 1882., стр. 153; цит. по Л. Бергу. «Открытие Камчатки и экспедиция Беринга». М., 1946, стр. 156.

³ Первыми в Японии появились португальцы, после них — испанцы. В конце XVI—начале XVII в. — голландцы и англичане.

XVII в. в Европе уже были описания Японии, составленные миссионерами и путешественниками, посещавшими эту страну (Мендец Пинто, Франциск Ксавье и др.) 1. Данные европейских источников о Японии были суммированы в рукописи, составленной около 1670 г., под названием «Космография, сиречь описание всего света земель и государств великих» 2. В этой книге имеется специальная глава, посвященная Японии: «О Иапонии или Иапон острове». Для изучения истории Японии того времени этот раздел имел небольшое познавательное значение и свидетельствовал о невысоком уровне знаний по данному вопросу в Западной Европе.

Сведения о Японии из «Космографии» легли, очевидно, в основу наказа Спафарию. Однако, помимо «Космографии». наказом был использован какой-то другой источник, пока нам не известный, в котором сообщались более точные данные о расстоянии между Японией и Китаем и отсутствующие в «Кос-

мографии» сведения о казни иезуитов.

В цитированной выше работе Спафария глава 58-я посвящена Японии; отдельные упоминания о Японии имеются и в других главах, в частности в описании провинции Фуцзянь и провинции Чжэцзян (особенно города Ханчжоу), где описывается

торговля шелком с Японией и другими странами.

Что касается основной главы о Японии, то в ней наряду с верными сведениями имеется много путаных и сбивчивых сообщений, которые Спафарий, вероятно, получил от иезуитов в Пекине 3. И на географических картах того времени расположение Японских островов было весьма неточным. Ясность в вопросы картографии Японии внесли впоследствии именно русские. Следует отметить, что Спафарий, как человек ученый, не ограничился данными, полученными от иезуитов, а проверял и дополнял их данными из переводов китайских книг, из личных бесед с китайцами, а также из опроса казаков, которые в 40-х годах XVII в. побывали в низовьях Амура и получили там

2 «Космография» издана в Петербурге в 1878—1881 гг., о Японии,

¹ Les voyages adventureux de Ferdinand Mendez Pinto fidellement traduits de Portugais par sieur Bernard Figver... Paris, 1645. Lettres de Saint François Xavier de la Compagnie de Jesus. Apôtre des Indes et du Japon. Traduit sur l'edition latin de Bologne par M. Leon Pagés; t. I—II. Paris, 1855.

² «Космография» издана в петероурге в 1876—1881 гг., о люнии, стр. 381 и сл. «Космография», очевидно, была заимствована у Герарда Меркатора («Известия Географического общества», 1882, стр. 235).

³ См., например, Л. С. Арсеньев. Указ. соч. стр. 268, где дана беседа Спафария с иезуитами, которые сказали, что приехали в Китай «из Епонского острова, который остров превеликий и богатый от Китая... верст и по их речам неподалеку устья Амурского».

кое-какие сведения от гиляков об островах, расположенных близ Амура и даже о Японии.

Несомненно, ценным в сообщении Спафария является упоминание о предметах торговли Японии с Китаем, ибо японокитайская торговля XVII—XIX вв. (до открытия дверей Японии) в литературе описана весьма скупо.

Спафарий сам понимал, что он мало написал о Японии, ибо «имеется в России особливая пространная книжица». Какую именно книгу имел в виду Спафарий, не совсем ясно; предположение, что речь идет о «Космографии», вряд ли убедительно, ибо последняя касаласт всех стран, а не только Японии.

Большую ценность представляет глава о Корее (глава 57), которая является, вероятно, первым русским известием о Корее. В этой главе описано географическое положение Кореи между уездом Ляотуном и устьем Амура, дается правильное определение вассальных отношений Кореи к Китаю. Указывается, что Корейский хан находится под властью Китайского хана, даже в большей мере, чем другие ханы (вероятно, имеется в виду Аннам и ряд вассальных Китаю государств), и дается, в общем, правильное объяснение «...понеже всегда со страхом живут (корейцы. — А. Г.) от жителей японского острова, от которых китайцы их охраняют. Однако же и японцам дань дают корейские ханы». Сведения о Корее Спафарий, повидимому, также получил от иезуитов, так как он указывал, что в Корее имелось много католиков — корейцев, что не соответствовало действительности.

ТРУДЫ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ПО ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ В XVIII в.

Возникшие в XVII в. торговые связи России с Дальним Востоком, установление договорных отношений с Китаем, а также усиливающийся интерес русских людей к странам и народам Дальнего Востока привели к увеличению знаний о дальневосточных народах.

С начала XVIII в. по инициативе Петра I, уделявшего огромное внимание изучению и развитию торговых связей со странами Дальнего Востока, было положено начало государственной организации преподавания дальневосточных языков в России. Важно при этом отметить, что Петр уделял особое внимание дальневосточным языкам — китайскому, монгольскому, а также японскому (дело Денбея, Санима и др.). Однако казенная организация дела, неподготовленность японцев к преподаванию

и другие трудности помешали проектам Петра в деле изучения японского азыка 1 .

В значительной мере неуспех в этом вопросе объяснялся также и тем, что Петру не удалось завязать непосредственную торговлю между Россией и Японией ². Тем не менее мероприятия Петра I сыграли значительную роль в истории русского востоковедения. Наиболее крупным событием в области изучения дальневосточных языков было создание Петром I Духовной миссии в Пекине, впервые отправленной в столицу Китая в 1716 г. ³ Деятельность миссии и изучение её сотрудниками китайского языка были оформлены Кяхтинским договором 1727 г. (ст. 5-я). За сто с лишним лет своего существования миссия дала ⁴ большое количество переводчиков с восточных языков: китайского монгольского маньчжурского (Россохин, Леонтьев и др.), крупнейших русских историков, лингвистов и других специалистов по Китаю, Монголии, Маньчжурии, Тибету, Средней Азии (Н. Я. Бичурин, И. Л. Захаров, Пал-

² Петром был издан Указ о посылке на Камчатку приказчика с отрядом в 100 человек, которому среди прочих дел вменялось в обязанность «... учинить с японским государством меж русскими людьми торги немалые, как у китайцев с русскими людьми бывают торги и посылаютца в Москвы великого государя с товары купчины, чтобы в тех новоприискных торгах великого государя казпеччинить многую прибыль». (Цит. по «Памятники сибирской истории XVIII века» (1700—1713). СПб., 1882, стр. 418.)

ники сибирской истории XVIII века» (1700—1713). СПб., 1882, стр. 418.)

³ Необходимость создания православной церкви в Пекине объясняется тем, что там находилось много русских, взятых в плен в крепости Албазин. Миссионерской деятельности в Китае русское правительство уделяло известное внимание, что видно из обращения Петра I к Киевскому митрополиту в 1700 г. (С. М. Соловьев. История России..., т. XV, стр. 1365).

4 Как из членов миссии (духовных лиц), так и из учеников, прикомандированных к миссии светских лиц.

¹ Петр поручил преподавание японского языка Денбею (о нем ниже), привезенному в Москву с Камчатки в конце 1701 г. Однако о действительном создании школы японского языка нет никаких данных. вилоть до 1736 г., когда такая школа была организована при Академии наук в Петербурге (см. Ученые записки Раниона, т. 2. М., 1930, ст. Г. Рейхберга «К истории ранних русско-японских сношений». Важные материалы по этому же вопросу помещены в готовящейся к печати рукописи научного сотрудника библиотеки АН СССР И. Н. Кобленца, любезно разрешившего мне ознакомиться со своей рукописью). Путаницу в русскую и советскую литературу по этому вопросу внес Сгибнев в статье «Об обучении японскому языку» («Морской Сборник», № 12, 1868), утверждавший без достаточных оснований, что японская школа была создана в 1708 г. В 1753 г. японская школа была переведена из Петербурга в Иркутск, где просуществовала до 1816 г. Однако уровень преподавания был чрезвычайно низким, кончивщие школу помногу лет не могли найти применения своим знаниям, бюрократизм, бездушие царских чиновников загубили благое начинание. Видных специалистов японского языка школа не дала.

ладий Кафаров, В. П. Васильев и др.) 1. Сотрудниками миссии написаны также отдельные работы по Японии (Гошкевич и др.).

В 1725 г. была создана школа монгольского языка в Йркутске, просуществовавшая только до 1741 г.; однако в пограничном с Монголией районе с этого времени всегда можно было найти знатоков монгольского языка (В. И. и А. В. Игумновы и др.), имевших даже своих учеников. В 40—60 годы XVIII в. китайский и маньчжурский языки стали преподаваться при Академии наук и при Коллегии иностранных дел. Хотя преподавание было нерегулярным, подбор преподавателей и учеников случайным и часто мало удачным, тем не менее во второй половине XVIII в. изучение китайского, монгольского и маньчжурского языков достигло такой степени развития, что было сделано несколько переводов с работ на этих языках, в том числе исторических и историко-географических сочинений, которые были частично опубликованы.

Усиление в России интереса к Китаю было связано с расширением экономических связей между двумя странами. Значение казенных караванов, шедших через Монголию в Пекин, постепенно падало и из-за бюрократической организации дела в России, и из-за того, что маньчжурские власти чинили всякие препятствия нормальной коммерческой деятельности этих караванов. Одновременно, однако, быстро увеличивалась купеческая приграничная торговля, главным образом в Кяхте, разрешенная Кяхтинским трактатом 1727 г. В 1755 г. было снято запрещение на торговлю мехами, что дало огромный толчок русско-китайской торговле 2. Если в 1758—1762 гг. средне-

¹ Нельзя поэтому согласиться с суждениями академика Бартольда о Пекинской миссии (История изучения Востока в Европе и России, стр. 199). Правильно отмечая ряд пороков русского духовенства, из которого комплектовалась миссия, автор далее пишет: «В лучшем случае члены миссии, основательно изучившие китайский язык, являлись переводчиками китайских сочинений, но не исследователями языка, литературы и истории Китая с точки зрения требований европейской науки; ученость их, по отзыву одного русского ученого, была только ученостью китайских мандаринов». В дальнейшем при освещении работ И. Бичурина и других дается иная оценка их научной деятельности.

² Официально запрет частной торговли мехами был снят в 1762 г., фактически же, поскольку в 1755 г. была прекращена посылка казенных караванов в Пекин, то именно с этого времени стал расти частный товарооборот. С 1755 г. мы располагаем доброкачественными данными о размерах кяхтинского торга, который происходил своеобразно, без денег, путем прямого товарообмена (статистические данные об этой торговле—см. «Сборник статистических сведений о России», издаваемый Статистическим отделом Императорского Русского географического общества, кн. 2, отд. V. Л. М. Самойлов. Исторические и статистические сведения о Кяхтинской торговле. О роли Кяхты в русско-китайских отношениях см. ценную работу: Е. П. Силин. Кяхта в XVIII веке. Иркутск, 1947).

годовой оборот русско-китайской торговли составлял 489 тыс. руб., то в 1769—1785 гг. он вырос до 1826,6 тыс. руб., т. е. почти в 4 раза.

В течение XVII в. и до 80-х годов XVIII в. Россия была единственной страной, поставлявшей Китаю пушнину. Успешная и постоянно растущая торговля пушниной с Китаем и другими странами являлась одним из важных стимулов для продвижения русских на Восток — на окраины Сибири (Камчатка и т. д.), по Тихому океану на юг, на Курильские острова, в сторону Северо-Западной Америки, на Алеутские острова, Аляску в поисках новых районов богатых пушниной. Так, продвижение русских в далекие еще неизвестные районы земного шара, освоение этих районов, географические открытия в Сибири, на Тихом океане и в Северо-Западной Америке были тесно связаны с экономическими отношениями России и Китая.

С середины XVII в. и до 70-х годов XVIII в. русские были не только самыми активными мореплавателями, давшими описание морей и островов северной части Тихого океана, но, по существу, единственными мореплавателями в этом районе. ибо последним западноевропейским мореплавателем в этом районе (к северу от Хонсю) был голландский путешественник Фриз (1643). С этого времени и до третьей морской экспедиции знаменитого английского мореплавателя Кука (1776—1780 гг.), целью которой, в отличие от первых двух экспедиций, было освоение севера Тихого океана, в этих водах не появлялось ничьих судов, кроме русских, если не считать отдельных случаев появления потерпевших кораблекрушение или занесенных бурей японских судов. Так обстояло дело во всей северной части (т. е. на север от 36—38° с. ш.) Тихого океана от берегов Агии до берегов Америки. Вся картография северной части Японии (Хоккайдо, севорная часть о-ва Хонсю) была. по существу, проведена русскими; ими же был положен конец неверным представлениям обэтом районе, сложившимся в результате сведений, сообщенных западноевропейскими путешественниками во второй половине XVI—первой половине XVII в. При Петре I Россия уже располагала документальными

При Петре I Россия уже располагала документальными данными о Японии и японском народе. Это были прежде всего свидетельства японцев, попавших после кораблекрушения на нашу территорию (первым из них был Денбей). По инициативе Петра были подготовлены осуществленные уже после его смерти путешествия русских мореплавателей к берегам Америки и Японии, описание берегов и островов Северпой части Японии (до 33—34° с. ш.) и поселений этих районов. Эти путешествия, как известно, сопровождались неудачными

попытками русских вступить в торговые сношения с Японией.

Показания Денбея в Москве, в Сибирском приказе, представляют несомненный интерес ¹. Конец XVII—начало XVIII в. важная веха в истории Японии; обычно японские историки к этому периоду относят появление явных признаков разложения феодального общества.

Показания Денбея были записаны с его слов и хотя это было сделано людьми, не знавшими японского языка и далекими от науки, все же эти показания дают интересный материал об оживленной торговле в Японии не только между Осака и Эдо, но и между такими портами, как Акита, Киото, Хёго, Носиро и другими, о чем мало известно в европейской литературе. Из показаний Денбея о товарах, которыми торговали в различных районах Японии, можно установить, что географическое разделение труда зашло настолько далеко, что в одни районы ввозили хлопчатую бумагу, камку, китайку, золото, серебро, в другие — пшено, железо, карабельные доски, кости — мамонтовую.

В «скаске» Денбея есть одно любопытное место, касающееся не столько собственно Японии, сколько тех сведений о Японии, которыми обладали в это время русские. «И он, Денбей, описательные книги Японского острова на цесарском языке в лицах смотря сказал: «Городы де японского царства Миако (Киото. — A. Γ .), Осакка, Ендо (Эдо. — A. Γ .), как они стоят в лицах в той книге — написаны сходно. Идолы человеческие и змеиными и зверскими и иными разными воображениями, которым оне поклоняются и вместо богов почитают и божницы и иное строение, что в той книге в лицах написано — в их земле есть против той книги сходно».

Из этой цитаты ясно, что Денбею показывалась какая-то книга на немецком языке о Японии, возможно, та самая «особливая пространная книжица», о которой упоминал Спафарий, хотя со времени путешествия Спафария в Китай прошло почти 25 лет.

¹ См. Н. И. Оглоблин. Первый японец в России. «Русская старина», 1891, октябрь, его же статью «Чтения в Обществе истории и древностей российских». М., 1891, кн. 3. Хотя показания Денбея в России тогда опубликованы не были, но в Европе основное их содержание вскоре стало известным из книги Ph. Strahlenberg «Das Nord-und Ostliche Teil von Europa und Asia», Stokholm, 1730. Автор этой книги пленный шведский офицер долгое время жил в России. Имя Денбея у Страленберга не упоминается, говорится о японце. В Японии же сведения о Денбее и о выброшенных бурями после него на Камчатку японцах Санима (1710), Соза и Гонза (1729) основываются до сего времени только на русской и западноевропейской литературе.

Как уже указывалось, Петр I настойчиво добивался установления сношений с Японией. Но несовершенная мореходная техника, короткий навигационный период на севере Тихого океана, тайфуны задерживали осуществление планов Петра. В это время русские плавали только вблизи Курильских островов, первооткрывателями которых они были. В 1725—1729 гг. во время первой экспедиции Беринга был установлен морской путь в Японию 1. Намерения Петра I были частично осуществлены лишь участниками второй экспедиции Беринга, главным образом Вальтоном и Шпанбергом, командовавшим первыми русскими кораблями, приблизившимися к острову Хонсю. Шпанберг оставил краткое описание острова и внес радикальные изменения в картографию Северной Японии. Рапорт Шпанберга о плавании в 1738—1739 гг., а также проект инструкции, данной ему при отправлении в экспедицию, содержат ценный материал как о Японии того времени, так и об отношении к ней правящих кругов России 2.

Интересы России в отношении Японии, как и в отношении других стран Дальнего Востока, в первую очередь сводились к вопросам торговли, для чего изучались экономика, пути сообщения с этими странами. Такая же задача ставилась и

перед экспедицией Беринга 3.

Шпанберг в своем путешествии к берегам Японии дошел до 37° с. ш. и вышел на расстоянии версты от берега острова Хонсю 4. Русские моряки не сходили на берег, так как опасались «нечаянного на наши суда нападения», т. е., очевидно, в России было известно, что Япония решительно не допускает

² А. И. Андреев. Русские открытия в Тихом океане и Сев. Аме-

¹ По возвращении из экспедиции Беринг указывал в своих предложениях: «Не без пользы бы было, чтобы Охотский или Камчатский водный проход до устья Амура и даже до японских островов выведать; понеже надежду имею, что тамо нарочитые места находить и с теми на которые торги установить; токо же и с японцами торг завести, чего б не к малойприбыли Российской империи впредь могло оказаться» См. «Экспедиция Беринга» 1941, стр. 27.

рике в XVIII в. М., 1943, стр. 80—101. 3 Л. Берг. Указ. соч., стр. 123, см. также статью С. В. Бахрушина. «Г. Ф. Миллер, как историк России» в кн.: Г. Ф. М и ллер. История Сибири, 1937, т. I, стр. 11.: По поводу 2-й экспед. Беринга «... хотели продолжить обследование Камчатского моря до Американского материка, котели выяснить положение Японии в отношении Камчатки».

⁴ О появлении кораблей Шпанберга у берегов Японии упоминают и японские авторы, см. «например, Нумата Итиро. Нитиро Гайкоси (История японо-русских дипломатических отношений). Токио, 1943, стр. 2, где говорится о прибытии 2 русских кораблей Шпанберга 24 мая 1739 г. (по рапорту Шпанберга, в июле ставших в открытом море).

иностранцев на свою территорию. Все же японские рыбаки и другие жители побывали на русском судне, всячески выражали дружественное отношение к русским, привозили свои товары — рис, огурцы, табак, получали в обмен или в подарок русские товары. Японцы расплачивались также золотыми монетами, для которых Шпанберг устанавливает «вексельный курс» на русские червонцы: «. . . Давали нам золотыми червонцами, которые японского характера: параллелогранные четырехугольные, но токмо против российских семи червонцев их японских десять червонцев. . .» 1. Шпанберг подробно, как специалист этого дела, описал устройство японских лодок (лотки, как он называл), на каждой из которых было по десять человек и более. Таких лодок около судов Шпанберга было однажды 79, так что Шпанберг стал опасаться «нечаянного нападения». Затем Шпанберг сообщил ряд сведений об одежде японцев, сделал попытку определить по внешнему виду высший и низший классы японского населения.

Южнее района, где остановился Шпанберг (37°), у 35°10′ (по другим данным 34°10″ или 33°48″), неподалеку от большого города, остановился спутник Шпанберга, умышленно от него отделившийся, Вальтон. В отличие от Шпанберга, Вальтон послал на берег штурмана, квартирмейстера с несколькими солдатами, которые и были первыми русскими, вступившими на японскую землю. Их угощали в двух домах. Штурман «ходил по слободе, в которой например дворов около полуторы тысячи, строение во оной слободе деревянное и каменное, палаты устроены вдоль по берегу, близ моря например версты на три, и жители той слободы имеют в домах чистоту и цветники в фарфоровых чашках, также и лавки в домах с товарами, в которых видел он пестреди бумажные и шелковые, а иного в скорости ему рассмотреть некогда было; скота имеют у себя коров и лошадей, також и куриц» 2.

Все эти районы Японии, где останавливались или высаживались русские, в течение второй половины XVII в., в XVIII и в первой половине XIX в. не посещались европейскими путе-шественниками ³.

Плавание Шпанберга и Вальтона помогло устранить путаницу, существовавшую на европейских картах в вопросе об

¹ А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 89.

² JI. С. Берг. Открытие Камчатки, стр. 180. ³ См., например, Е. Кает pfer. Histoire naturelle, civile, ecclesiastique de l'empire du Japon. Он, как и все другие члены голландской фактории в XVII— первой половине XIX в., ездил из Нагасаки только до Эдо.

острове Эдзо (Хоккайдо), который изображался соединенным то с Азией, то с Америкой. Была установлена также апокрифичность земли Гамы и исправлены другие дефекты тогдашних европейских карт. На основании данных Шпанберга и Вальтона в Академический российский атлас 1745 г. 1 были включены три карты Тихоокеанского побережья (в них вошла и северная часть Японии), отражавшие тот значительный вклад, который внесли русские в историю мировой картографии 2.

Важную роль в историографии русских открытий у берегов Ипонии сыграла работа Г. Ф. Миллера «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю с Российской стороны учиненных» 3. Эта первая история русского мореплавания на Тихом океане была написана на основании главным образом архивных материалов.

В XVIII в. появились первые исторические работы о Дальнем Востоке, освещавшие отдельные вопросы истории Китая и Монголии, историю русско-китайских торговых и дипломатических отношений и т. д.

Интерес к истории народов Дальнего Востока, усиливавшийся в России по мере развития сношений с этими народами и расширения научного кругозора, ярко виден из инструкции, полученной Г. Ф. Миллером от Академии наук накануне его отправления в Сибирское путешествие 1733—1743 гг. со второй экспедицией Беринга. Инструкция, озаглавленная «О истории народов» 4, содержит ряд пунктов, отражающих интерес Академии наук к определенным вопросам истории. Так, статья 8 гласит: «Надобно описывать историю каждого народа, когда и кем оной строиться начат и, если он под другим владением находится, то каким случаем и когда покорен нынешнему». Статья 9: «Все всякого рода останки, древние монументы, сосуды древние и новые, идолы и знатнейших городов проспекты отчасти в точ-

^{1 «}Атлас Российской, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим обсервациям с приложенной притом генеральной Картой великия сея империи, старанием и трудами Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге».

 ² Л. С. Берг. Очерки по историй..., стр. 97—99.
 ³ Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1758,

январь—ноябрь.

4 Г. Ф. Миллер. История Сибири, 1937, т. І. М.—Л., 1937, стр. 460—461, ст. 1. Инструкции «Для приращения исторического познания о тех самых народах, через которых предводитель сего путе-шествия Берингий в своем Камчатском походе проходить будет, наипаче наблюдать надобно, где будут пределы каждого народа, какие границы и не разных ли происхождений и разных родов народы между собой смешаны или нет».

² Очерки по истории востоковедения

ность списываемы, отчасти в Санкт-Петербург привозимы быть должны». Инструкция касалась не только истории народов Сибири, но и истории зарубежных народов, так как в цели экспедиции Беринга входило обследование морей и земель, расположенных на пути к Америке и к Японии, а также изучение района, находившегося между реками Удь и Амур 1.

Среди работ по истории Сибири, затрагивающих и историю зарубежных стран, конечно, прежде всего следует отметить известный труд Г. Ф. Миллера «История Сибири», включающий сведения о монголах и китайцах. В этом труде, основанном главным образом на архивных материалах и русских летописях, широко использованы также работы европейских историков и географов, по преимуществу миссионеров (Гобиль, Дюгальд и др.). Однако Миллер понимал необходимость изучения источников на азиатских языках. Он использовал (вероятно, с номощью переводчика) и тибетские, и монгольские рукописи ². Наконец, он привлек для написания первой главы, в частности параграфов 29 и 30, Илариона Россохина 3, блестящего знатока китайского, маньчжурского и монгольского языков. Рассохин, по словам Миллера, составил для него на основании лучших китайских и маньчжурских летописей рукописную китайскую историю 4.

Кроме того, Миллер уделил много внимания истории русскокитайских дипломатических отношений, опубликовал после смерти Россохина перевод с маньчжурского языка о посольстве Ту Ли шена в Россию 5.

Много внимания уделил Китаю и Монголии в связи с историей Сибири и Фишер в своей «Сибирской истории» 6, заимствованной в значительной мере у Миллера.

1 Л. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.,

текста, составленного французами ориенталистами братьями Фурмон.

³ Г. Ф. М и л л е р. Указ. соч., т. I, стр. 24, 113, 135, 137, 181, 182, 539, а также В. П. Т а р а н о в и ч. И. Россохин и его труды по китаеведению. С полной библиографией его опубликованных и неопубликован-

ных работ. «Советское востоковедение», 1945, т. III. ⁴ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 181.

⁵ «Ежемесячные сочинения и известия об ученых трудах», 1764 г. июль-ноябрь (Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 г. у калмыцкого хана Аюки на Волге)».
⁶ И. Е. Фишер. Сибирская история с самого открытия Сибири

до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.

^{1946,} стр. 122—124.

² Г. Ф. Миллер. Указ. соч., т. I (статья С. В. Бахрушина), стр. 25, стр. 76. Он представил в 1733 г. в заседании конференции Академии наук тибетский алфавит с транскрипцией и переводами тибетских текстов, а во время путешествия по Сибири продолжал собирать тибетские материалы. Оп же делал исправления к переводу стибетского

В конце XVIII и в начале XIX в. на основе архивных документов Н. Бантыш-Каменским было составлено исключительно ценное сочинение по истории русско-китайских дипломатических отношений, сохранившее свое значение и до настоящего времени. Однако эта фундаментальная работа была издана лишь много десятилетий спустя, в 1882 г., Б. М. Флоринским с добавлениями от издателя 1. Эта книга является подробным и добросовестным изложением почти всех актов по истории русско-китайских дипломатических отношений, начиная с посольства Ив. Петлина и отчасти сведений о торговых связях. К сожалению, автор сравнительно мало цитирует документы, а больше излагает их.

Значительное место Китаю уделено в капитальном многотомном труде М. Чулкова «Историческое описание российской коммерции» ². Вторая книга третьего тома (свыше 700 стр.) посвящена Китаю, его торговле с Россией. В ней приведено много архивных документов, относящихся к русско-китайской торговле, и статистических данных по ней ³, а также по торговле Китая со странами Тихого океана — Японией, по которой даются наиболее подробные сведения, Камбоджей, Кохинхиной, Сиамом, Филиппинами, и о торговле Китая со странами Западной Европы. В том же томе имеется раздел о торговле Камчатки с Восточным Архипелагом, снабженный историческими данными о морских путешествиях русских. Основной интерес автора сосредоточен на современном ему состоянии торговли и перспективах торговли России с Китаем, Японией и другими странами Тихого океана ⁴. В работе имеется много документального

¹ Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами, с 1619 по 1792 год. Составлено по документам, хранящимся в Московском Архиве Государственной Коллегии Министерства Иностранных Дел в 1792—1805 гг. Казань. 1882.

зань, 1882.

2 Полное наименование работы М. Д. Чулкова — «Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древнейших времен доныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной Государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей Екатерины Великия сочиненное Михайлом Чулковым». М., 1781—1788.

3 Статистические данные за 1758—1788 гг. См. также т. VII, кн. 1.

4 М. Чулков. Указ. соч., т. III, кн. 2, стр. 31. «Город Кантон ку-

⁴ М. Чулков. Указ. соч., т. III, кн. 2, стр. 31. «Город Кантон купечеству от всех китайских городов способнейший есть, а наипаче Русской нации, понеже всегда возможно из Пекина до Кантона, из Кантона
до Пекина ездить», «... понеже китайцы всегда с японцами торгуют
того ради надлежит как возможно о японском торгу и об оном государстве
подлинно уведомиться. Когда Его Императорское Величество изволит
учинить рекою Амуром езд, то верно есть, что из всех портов Российских
никакой бы торг так прибыльнейшей не был, как сей... а у голландцев
сие купечество, которое они туда имеют, есть самое важное...».

историко-экономического материала, представляющего большую ценность для изучения истории русско-китайской торговли. Серьезное внимание, уделенное автором торговле с Китаем и Японией, отражало возросший интерес русского торгового капитала к этим вопросам.

Во второй половине XVIII в. торговля с Китаем хотя медленно, но неуклонно развивалась 1 . Значение торговли с Китаем в общероссийской торговле все более и более росло 2 .

В конце XVIII в. пачалось еще более активное продвижение русских к Тихому океану и создание ими устойчивых поселений на Алеутских островах и Аляске в поисках новых районов, изобилующих пушниной. К этому времени относится энергичная деятельность знаменитого Шелехова и других представителей русского торгового капитала. В это же время усилились попытки завязать торговые сношения с Японией — экспедиция Шабалина 1778—1779, экспедиция Адама Лаксмана в 1792—1793 гг. 3 В экспедиции 1778—1779 гг. участвовали ученики японской школы, знавшие японский язык, Иван Очередин и Иван Антипин.

Общий рост русской культуры, развитие университетского образования ⁴, деятельность Российской Академии наук, многочисленные организованные ею экспедиции, в частности в Сибирь, — способствовали углублению интереса к наукам вообще,

¹ Медленность в развитии торговли объяснялась частыми перерывами в торговле (1763—1768, 1785—1792), ввиду запрещения ее маньчжурским правительством, а также некоторыми ограничительными мероприятиями, установленными обоими правительствами для торговли в Кяхте (запрещение продажи на деньги и т. д.).

 $^{^2}$ В общем товарообороте России на китайскую торговлю падало 7—9%, а в азиатской торговле около $^2/_3$.

³ В. Лагус. Эрик Лаксман (отец мореплавателя. — А. Г.), его жизнь, путешествия и переписка, 1890. В работе дан огромный материал по миссии Адама Лаксмана в Японии в 1792—1793 гг. См. также «Известия о первом российском посольстве в Японию под начальством поручика Адама Лаксмана». М. 1805, «Путешествие в Японию Адама Лаксмана». Отрывок из Истории Географических открытий России, составленный В. Н. Берхом, помещенный в № 3 «Северного Архива» за 1822 г. Лаксману, благодаря умелому ведению переговоров и хорошим отношениям, установившимся с японскими представителями, удалось добиться от них того, чего не мог добиться ни один европейский представитель до «открытии дверей» Японии в 1854 г. Японцы дали согласие на заход русского судна в Нагасаки. Однако в связи с событиями в Европе царское правительство не спешило использовать результаты миссии Лаксмана, и лишь в 1804 г. направило русское судно в Нагасаки (Резанов). Японцы, однако, не пожелали установить торговые отношения с Россией.

⁴ В «Опыте трудов Вольного Российск. Собрания при Московском Университете» (собрание было создано в 1771 г.) были опубликованы в ч. III (1776) «Перевод с права Мунгальского и Калмыцкого народов».

к исторической в частности, к истории родины и соседних стран. Это не могло не отразиться на развитии востоковедческой науки, тем более, что со второй половины XVIII в. в России появились первые отечественные специалисты по китайскому, монгольскому, маньчжурскому языкам. Все эти обстоятельства нашли отражение в переводах на русский язык европейских сочинений о Китае (Дю-Гальд и др.), о Японии 1, в большом труде академика П. С. Палласа «Собрание исторических сведений о монгольских народностях» 2. В двухтомном сочинении П. С. Палласа собраны главным образом этнографические сведения о калмыках, монголах и других родственных им народностях и имеется также значительный переводной исторический материал — родословные князей, выдержки из калмыцких рукописей и т. д. Насколько нам известно, работа Палласа является первой монографией в России, целью которой было собирание (отсюда ее название) и обработка исторических данных о монгольских народах. В конце XVIII в. публикуются первые русские переводные труды с китайского и маньчжурского языков.

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ СИНОЛОГИ

Первыми русскими специалистами по китайскому, монгольскому, маньчжурскому языкам, опубликовавшими свои труды (главным образом переводы), были упоминавшийся уже выше Иларион Россохин (1717—1761) и Алексей Леонтьев (1716— 1786). Оба начали изучение восточных языков в России (Россохин — монгольского, Леонтьев — китайского), затем усовершенствовали свои знания в этих языках и изучили маньчжурский, а Россохин также и китайский при Пекинской духовной миссии, где пробыли около 10 лет³.

Крупнейшей их работой является перевод с китайского большого труда, изданного при императоре Цянь Луне в 1739 г.⁴ Русское издание снабжено ценными и обширными

из европейских сочинений о Японии Кемпфера, Карона и др. ² P. S. Pallas. Sammlungen historischer Nachrichten in die Mongolischen Völkerschaften. СПб. 1776. Немец по происхождению, он провел большую половину своей жизни в России.

3 Русский биографический словарь о Россохине, см. также ука-

занную статью В. П. Тарановича, стр. 225—241.

¹ «Краткая история о Японском государстве из достоверных известий собранная». М., 1773: Введение написано профессором Московского университета Иваном Рейхель; книга представляет собой компиляцию

^{4 «}Описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска восьми знаменах состоящего» (СПб., 1784). О значении этой работы, см. «Советская Этнография» № 1 за 1950 г.

комментариями переводчиков (главным образом Россохина) ¹, касающимися географических названий, происхождения маньчжуров, различных маньчжурских племен, их размещения и т. д.

Этот труд являлся справочной работой историко-географического характера, в котором было много разнообразных статистических данных, в частности, о сборах в казну хлеба и серебра по различным провинциям Китая, имелись и подробнейшие родословные виднейших феодалов, описания знамен и т. д. Труд представлял большую ценность для русской и мировой науки, так как о Маньчжурии и Восточной Монголии, которые наиболее подробно освещены в этой работе, было известно тогда очень немного.

Россохин и Леонтьев перевели с китайского и маньчжурского языков на русский большое число сочинений по истории, географии и экономике Китая, а также сочинений учебного характера по языку. Однако подавляющее большинство переводов Россохина не было издано, хотя он работал при Академии наук и, очевидно, по ее заданиям ². О его исторической работе, изданной Г. Ф. Миллером, говорилось ранее. Помимо этого следует упомянуть, что на немецком языке была опубликована часть атласа Китая ³, привезенная секретарем Академии наук Штелиным из Пекина и переведенная Россохиным на русский язык, а Штелиным — с русского на немецкий. В третьем томе «Мадагіп für die neue Historie und Geographie» ⁴ издатель Бюшинг опубликовал из его атласа карту провинции Чжили с экспликацией к ней, составленной, очевидно, Россохиным и переведенной на немецкий язык ⁵.

¹ В. П. Таранович правильно указывает, что на титульном листе издания имеется лишь фамилия Леонтьева, хотя Россохин принимал весьма большое участие в переводе. Участие Россохина в этой работе В. П. Таранович устанавливает по архивным данным, в которых имеются сведения об уплате вдове Россохина за перевод им пяти томов «Описания». Авторство Россохина можно также установить и по самому тексту «Описания», где говорится, что «Примечания» составлены поручиком Л. Россохиным.

² Подробный список неопубликованных работ Россохина см. в статье В. П. Тарановича, в которой указывается также, что книги Россохина на китайском и маньчжурском языках положили начало созданию восточного отдела Библиотеки Академии наук.

³ Атлас на китайском языке был издан в Китае в 1746 г., см. «Советское востоковедение», 1945, т. III.

⁴ Magazin für die neue Historie und Geographie, Гамбург, 1769.

⁵ Во введении к этой экспликации Штелин отмечает, что если сравнить этот китайский атлас с картой Д'Анвиля, то на последней все китайские географические наименования во французской транскрипции

Большинство работ А. Леонтьева было опубликовано и некоторые из них даже выдержали по два или по три издания. Это указывает, несомненно, на повышение интереса к Китаю в конце XVIII в. Среди этих работ были переводы исторических и географических сочинений, написанных на китайском и маньчжурском языках, как-то: «Книги китайского и маньчжурского хана Кансия (Кан-си. — А. Г.) перевод с китайского» (СПб., 1780), «Уведомление о бывшей с 1677 по 1689 г. войне у китайцев с зенгорцами (чжунгарами. — A. Γ .). Выписал из китайской истории секретарь Леонтьев» (СПб., 1777). Большой интерес представляет перевод Леонтьева китайской государственной географии, дающей ценные сведения не только по географии Китая, но также и о тех географических и исторических представлениях, которые существовали в Китае о других государствах, в частности, о России, о странах Дальнего Востока и Западной Европы 1.

Перевод Леонтьева «Путешествие китайского посланника (Тулишена) к калмыцкому Аюке хану с описанием земель и обычаев российских» (1782—1788) издавался дважды. Это сочинение было переведено также И. Россохиным. Перевод с ценными комментариями переводчика был опубликован Г. Миллером. Русский перевод записок Тулишена был более точным и полным, чем французский перевод, выполненный Гобилем.

Таким образом, во второй половине XVIII в., в эпоху крупных успехов российской науки, когда жил и творил гениальный М. В. Ломоносов, получила дальнейшее развитие и русская историческая наука о Дальнем Востоке. Были заложены основы востоковедения, изучение китайского, маньчжурского и монгольского языков достигло такого уровня, при котором стали возможны переводы на русский язык многочисленных работ по истории и географии Китая и других восточных стран. Эти переводы могли служить ценными источниками

искажены до неузнаваемости, а по сравнению с сочинением Дю Гальда в китайском атласе имеется на 70—80 и более названий больше, чем у Дю Гальда.

¹ «Кратчайшее описание городам, доходам и протчему Китайского государства, а при том и всем государствам и княжествам, кои китайцам сведомы. Выбран из китайской государственной географии, коя напечатана в Пекине на китайском языке при нынешнем хане Кян Луне (Цянь Лун. — А. Г.). Секретарем Леонтьевым, цена 80 коп., в Санкт-Петербурге 1778 года». В приложении к книге говорится: «Следующий перевод краткого описания королевствам и княжествам, кои под Китайской державой, а при том и протчим державам, из коих у китайцев послы бывают и кои китайцам сведомы».

для написания серьезных исторических работ по Дальнему Востоку.

Большой интерес к Китаю, к Сибири, Дальнему Востоку и американским владениям России проявляли передовые люди русского общества.

Радищев написал свое известное «Письмо о Китайском торге» 1. В этом письме, написанном по поводу длительного перерыва русской торговли с Китаем и возможности ее возобновления, Радищев осуждает крепостническую систему торга, выдвигает требование о развитии сельского хозяйства и промыслов в Сибири и от Охотска до американских берегов.

ПЕРВАЯРПОЛОВИНА XIX в.

Процесс разложения крепостнического хозяйства в России, начавшийся в XVIII в. и резко усиливавшийся в первой половине XIX в., развитие капиталистических отношений и обострение в связи с этим классовой борьбы нашли отражение в общем подъеме русской национальной культуры и, что особенно важно, в развитии демократической, прогрессивной культуры.

Русская историческая наука о зарубежном Дальнем Востоке не могла, конечно, остаться в стороне от тех общих причин, под влиянием которых развивалась русская культура, от той острой борьбы, которая возникала между реакционным и прогрессивным, демократическим крылом в русской пауке.

На этот раскол в русском востоковедении существенное влияние оказал и тот факт, что конец XVIII—начало XIX в., период победы и утверждения капитализма в передовых странах Европы, — сопровождался чрезвычайной активизацией их колониальной экспансии, нашедшей идеологическую поддержку в западноевропейском и американском востоковедении. Это реакционно-буржуазное востоковедение, проповедуя и «обосновывая» расистские теории, доказывало неполноценность всех небелых рас, пытаясь объяснить этим их культурную и особенно экономическую отсталость и неизбежность и целесообразность во имя мировой капиталистической цивилизации подчинения этих рас европейскому и американскому капитализму. Эта расистская пропаганда особенно усилилась в период подготовки и нападения Англии на Китай (опиумная война 1839—1842 гг.), превращения Китая, а затем Японии в зависимую от государств Европы и США страну.

¹ А. Н. Радищев. Собр. соч., т. II. Академия наук, 1941.

Передовые русские востоковеды, отражая взгляды русской демократической общественности, отрицательно отнеслись к этой расистской пропаганде. Большое значение в этом отношении имели труды крупнейшего русского ученого Никиты

Иковлевича Бичурина.

В начале ХІХ в. изучение зарубежного Дальнего Востока в Госсии значительно продвинулось вперед и приобрело прочные паучные основы. Перван русская кругосветная экспедиция Крузенштерна (1803—1806) дала новые ценные сведения о Ппонии, о тихоокеанских островах (Маркизских, Сандвичевых и др.) и их жителях. Полугодовая стоянка судна «Надежда», на котором находился и русский посол Резанов, в Нагасакском порту, первое посещение русскими судами — «Надежда» и «Нева» — южного Китая (Кантона) способствовали значительпому расширению сведений о Дальнем Востоке 1. За первым кругосветным путешествием последовали в первой половине XIX в. многочисленные кругосветные экспедиции, сделавшие географические открытия, давшие ценные этнографические и другие научные сведения о жителях стран и островов Дальнего Востока и Тихого океана.

Особенно большое значение для изучения Дальнего Востока имело путешествие В. М. Головнина на шлюпе «Диана». Захваченный в плен япондами, Головнин составил во время двухлетнего пребывания в плену ценнейшие «Записки» о Японии, в которых имелись повые и весьма важные данные (быт, административный аппарат, география, история). «Записки В. М. Головнина в плену японцев в 1811, 1812, 1813 годах», напечатанные в России в 1815 г., были вскоре переведены на европейские языки ².

В 1818 г. в Академии наук по инициативе Френа был открыт Азиатский музей — крупнейшее собрание книг и рукописей по Востоку. Собирание этих фондов было начато еще при Петре I, который, как указывалось выше, много сделал для изу-

² В. М. Головнин. Соч. М.—Л., 1949, в частности, стр. 9, прим. ред. о словах Г. Гейне по поводу Записок Головнина. Головниным во время пребывания в плену был составлен краткий словарь японского языка («Азиятский Вестник», июль—декабрь, 1825).

¹ И. Ф. Крузенштерн. Путешествие вокруг света. М., 1950-[новое издание, первое издание 1809—1812]. Оценку и дополнение сведений, собранных Крузенштерном в Кантоне см. Бичурин. Китай, его жители, нравы, обычаи, 1840, стр. 332 и след.; Ю. Ф. Лисянский. Путеществие вокруг света на корабле «Нева». М., 1947 [также новое издание, первое — 1812 г.]. Путеществие Крузенштерна было переведено на французский, немецкий, шведский, голландский, английский, датский, итальянский языки. Соч. Лисянского переведено на английский язык.

чения Востока. Азиатский музей, ставший крупнейшим в мире хранилищем восточных книжных, рукописных и других фондов, обеспечил русским востоковедам научную базу для развития востоковедения ¹.

В том же 1818 г. известный историк и археолог Сибири Григорий Иванович Спасский начал издавать журнал «Сибирский Вестник» (1818—1824), в котором было опубликовано большое количество ценных статей и материалов по истории Сибири, а также по истории отношений России с Китаем, например, путешествие И. Петлина, Ф. Байкова и других, переводов с китайского языка исторических памятников 2, статей, посвященных описанию быта монголов, и других исторических материалов. В 1825—1827 гг. Г. И. Спасский издавал новый журнал под названием «Азиатский Вестник»³, в котором был увеличен раздел, посвященный зарубежным странам (Тибет, Монголия, Афганистан и т. д.), включая даже такую отдаленную от границ России и мало известную в те годы и в России и в Европе страну, как Бирма. В журнале помещались также переводы с монгольского и других восточных языков. Много статей по Дальнему Востоку печаталось в «Ученых записках Казанского университета».

В 1830 г. при Академии наук была учреждена кафедра восточных языков и древностей. Еще в 1829 г. в академики был

¹ «Азиятский Вестник», июль—декабрь, 1825 г. «С основания Академии наук уже было небольшое собрание азиатских рукописей и до 2500 книг на китайском языке: теперь отделение кит.-монг. — маньчж. едва ли не первое в Европе, ибо даже в Берлинской библиотеке по описанию Клапрота всего 200 книг на этих языках». О собрании восточных книг и рукописей до создания Азиатского музея см. Б. А. Дор н «Азиатский музей» в сборнике «Очерк истории музеев Императорской Академии наук». СПб., 1865, стр. 76—82, а также Т. В. С т а н ю к о в и ч. «Кунсткамера Петербургской Академии наук». М.—Л., 1953, стр. 212 и след.
² См., например, «Сибирский Вестник», кн. XII, 1820. «О переходе

² См., например, «Сибирский Вестник», кн. XII, 1820. «О переходе Торгутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию». Сочинение китайского князя Цишаня. Переведено с китайского подлинника С.Б. Л и пов цевым. Переводчику принадлежит и ряд других работ по Китаю, в частности «Каталог китайским и японским книгам в библиотеке Императорской Академии наук хранящимся» (1818), переводов с маны-журского «Уложение китайской палаты внешений» (1828).

[«]Обозрение Зюнгарии» («Сибирский Вестник», 1821) и др.

3 Французский журнал по Азии «Journal Asiatique» стал издаваться с 1823 г., английский «Transactions of Royal Asiatic Society» — с 1824 г. В России до «Сибирского Вестника» издавались еще в 1813 г. «Восточные известия» (Астрахань, а затем Петербург), главным образом о Ближнем Востоке и Средней Азии. Статьи по Дальнему Востоку печатались еще в XVIII в. в «Ежемесячных Сочинениях», «Опыте трудов Вольного Российского Собрания при Императорском Московском Университете» и. т. д.

избран Я. И. Шмидт, за труды по монголоведению ¹. В тех же тридцатых годах в Казанском университете были созданы кафедры монгольского (1833—1834), китайского (1837) и несколько позднее (1844) маньчжурского языков ².

Казанский университет сыграл крупнейшую роль в развитии востоковедения в России, он стал, кроме того, одним из центров мирового востоковедения. «Всем известно, что восточное отделение философского факультета в Казани есть не только первое между русскими учебными заведениями. . ., но даже занимает одно из почетных мест в кругу подобных заведений и ученых азиатских обществ всей Европы. Взгляните на страницы Лондонского «Азиатского журнала», там увидите, как думают в Европе о казанских ориенталистах, богатых своими знаниями, но издающих свои дельные сочинения без шума, без неистовых возгласов, которыми иные прочие хотят поддержать свои сочинения по части Востока» 3.

Первыми профессорами монгольского языка в Казанском университете были О. М. Ковалевский и А. В. Попов, обучавшиеся у знатока монгольского языка А.В. Игумнова 4, жившего в Иркутске.

О. М. Ковалевский, в прошлом участник тайного общества в Царстве Польском, один из первых русских ученых-востоковедов, выступал с резким осуждением британской агрессии в Китае и презрительного, высокомерного отношения европейцев к «азиатским варварам» и отмечал огромное значение азиатских народов (особенно Китая, Индии) в мировой культуре 5.

1 Н. И. Веселовский. Обофициальном преподавании восточных языков в России. Стр. 11. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 261. Я. Шмидт перевел монгольскую летопись Санан Сэцэна, СПб., 1829 (наиболее ценный источник по средневековой истории монголов).

² Н. И. Веселовский. Указ. соч. Ближневосточные языки стали преподавать в Казанском университете с 1807 г., о преподавании дальневосточных языков вопрос был поставлен Харьковским университетом с 1811 г. с целью изучения китайской исторической литературы на маньчжурском языке. Проект Харьковского университета не получил движения в правительственных органах (см. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 271).

³ «Отечественные записки», т. 9, за 1840 г. Статья П. И. Мельникова «Первый магистр Монгольской словесности», написана по поводу защиты диссертации выдающегося русского востоковеда В. П. Васильева 23 де-

кабря 1839 г.

4 Об А. В. Игумнове и его отце — русских монголоведах см. Краткую биографическую справку в «Сибирском Вестнике», 1819, IV, где напечатана

статья А. В. Игумнова «Обозрение Монголии».

⁵ В. Бартольд. Указ. соч., стр. 268, см. Речь, произнесенную О. М. Ковалевским на торжественном собрании Казанского университета 3-го августа 1837 г. «О знакомстве европейцев с Азией». Приведем 2—3 места из нее: «Взгляните на Индию, где алчный британец упрочил свое

После восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге были сосланы в Сибирь передовые люди России, являвшиеся «самыми выдающимися деятелями дворянского периода» 1 освободительного движения в России. В 1824 г. К. Ф. Рылеев стал правителем дел Российско-Американской компании, имевшей отношение не только к русским владениям в Америке, но и к торговле с Китаем, к попыткам завязать торговые сношения с Японией, к морским кругосветным экспедициям. У директора компании И. В. Прокофьева часто бывали многие из декабристов ². Сосланные Николаем I в Сибирь, декабристы вели огромную работу по просвещению русских и бурят-монголов и сыграли значительную роль в деле распространения передовых взглядов среди народов Азии. Декабристы интересовались не только взаимоотношениями России с Китаем. Японией, но и самими этими странами³.

В 20—40-е годы XIX в. в России была создана прочная научная база для дальнейшего успешного развития русского востоковедения 4. Вместе с тем передовые круги русского общества.

В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223.

⁸ См. «Письма из Сибири». Иркутск, 1929, см. также М. Ю. Барановская. Декабрист Н. Бестужев. М., 1954.

4 В эти годы вышли общирные сочинения о Китае:

Новейшее и подробнейшее историко-географическое описание ской империи. Сочиненное колл. советником и кавалером Иваном Орловым. М. 1820, ч. I и II. Автор 7 лет был в Пскине, изучал китайский и маньчжурский языки. Книга посвящена главным образом экономико-географическому описанию Китая и его районов, описанию его государственного устройства, исторические данные вкраплены в изложении этих сведений; кроме того, имеется в ч. I (отд. II, стр. 69—161) хронология китайских императоров с древнейших времен до современности с краткими данными о каждом из них, рассказывается о происхождении китайцев, маньчжур, монгол и т. д. Для своего времени подробное описание Китая, сделанное Орловым, является несомненным достижением русской науки.

Е. Ф. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию **в** 1820—1821 гг. с картой, чертежами и рисунками. СПб., 1845, 3 части.

владычество, в Китас. На юге насильственные коварные меры, предпринимаемые британским корыстолюбием раздражают подозрительность китайского правительства и продавцы опиума похитили полсотни тысяч семейств, поселенных теперь в Бирмании». О России, что ее мирная политика в Китае должна сделать ее посредником между Азией и Европой. В Китае в 952 г. появилось книгопечатание, за несколько веков до Гутенберга китайцы изобрели порох, превращали пески в плодоносные нивы и т. д. (Журнал Министерства просвещения, 1837, № 11).

² Л. Чуковская. Декабристы исследователи Сибири. См. также Декабристы М. и Н. Бестужевы. «Письма из Сибири». Иркутск, 1929, И. И. Попов «Сибирь и эмиграция» 1924, в которых даются весьма интересные сведения о связи декабристов с Кяхтой. В Кяхте жило значительное количество представителей передовой части русского купечества (20—50-е годы Кяхта была одним из важных культурных центров Сибири).

разбуженные декабристами, сумели сделать русское востоковедение передовой прогрессивной наукой.

Именно в это время протекала научная деятельность извест-

пого русского востоковеда Н. Я. Бичурина.

Бичурин, в монашестве Иакинф (1777—1853) 1, был сыном сельского дьяка, крестьянина по происхождению. Н. Я. Бичурин получил образование в Казанской семинарии. Назначенный в 1802 г. ректором семинарии в Иркутске, он через год был сослан в Тобольский монастырь.

В 1807 г. был послан в Пекин в качестве начальника Духовпой миссии; пробыл в Китае 14 лет, изучая китайский язык, историю, географию, экономику, социальный строй, культуру Китая и его так называемых внешних владений — Монголии, Тибета, Синьцзяна, о которых в то время почти пичего не было известно. Здесь были написаны или подготовлены материалы важнейших монографий Бичурина, изданных в дальнейшем в России. Вернувшись в 1821 г. в Россию и привезя с собой помимо личного научного архива огромное количество ценнейших китайских книг (около 400 пудов), Бичурин по доносу был предан церковному суду и сослан пожизненно, с лишением сана, в Валаамский монастырь, где, однако, не прекращал своих научных занятий. Острая нужда в знатоках китайского языка в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел заставила царское правительство через четыре года вызвать Бичурина из ссылки и причислить его к Азиатскому департаменту. В Петербурге Н. Я. Бичурин начал издание своих многочисленных капитальных трудов (переводных и самостоятельных) по Китаю и другим странам Азии.

Известный востоковед Н. И. Веселовский писал о Бичурине: «С этого времени (1826) начинается его неутомимая литературная деятельность, изумившая не только русский, но даже иностранный ученый мир. Клапрот ² прямо высказал, что отец Иакинф один сделал столько, сколько может сделать только целое ученое общество» 3. За свои труды Н. Я. Бичурин 4 раза

3 Цитирую по вводной статье в «Собрании сведений о народах...

М., 1950, стр. ІХ.

¹ Основные биографические данные заимствованы: а) из Биографического словаря. . . и БСЭ, изд. 2-е; б) из вводной статьи А. И. Бернштама к новому (1950) изданию сочинения Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»; в) из статьи Л. В. Симонивской «Бичурин как историк Китая» (Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, 1948, вып. 7).

² Немец — востоковед, несколько лет (1805—1812) был на службе в Академии Наук России, выступал с рядом статей против Бичурина, хотя широко использовал его переводы в своих работах. Автор ряда работ и переводов по географии и истории Китая, Японии.

получал демидовские премии 1. В 1828 г. Бичурин был избран членом-корреспондентом Российской Академий наук и членом Азиатского общества в Париже (1831).

Значение научной деятельности Н. Я. Бичурина в области синологии было определено покойным академиком Бартольдом: «Благодаря его трудам, — писал Бартольд, — русская синология еще в 1851 и 1852 гг. опередила западноевропейскую»². Советские синологи также считают, что русская синология и особенно синологическая историография, отстававшая от западноевропейской в XVIII в., в результате творческой дея-тельности Бичурина значительно ее опередила³.

Научная деятельность Иакинфа была поразительно разносторонней. Он занимался изучением почти всех стран Восточной и Центральной Азии; его работы и в наше время представляют значительную ценность для историков, филологов, экономистов, географов. Он с одинаковым вниманием изучал и древность, и средневековье, и современное ему положение в странах Востока. Тем не менее мы полагаем, что особенно велико и еще не полностью оценено значение Бичурина как историка древности и раннего средневсковья стран Восточной и Центральной Азии, как ученого, впервые внесшего в мировую науку огромное богатство исторических памятников Китая.

Если в связи с выходом в свет второго издания «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии . . .» значение переводов и исторических комментариев Бичурина по истории народов Центральной Азии и Южной Сибири оценено по достоинству, то этого еще нельзя сказать о его трудах по древней истории и истории раннего средневековья Японии, Кореи,

¹ Там же, премии были получены: за «Китайскую трамматику», которая была издана для организованного Н. Я. Бичуриным училища китайского языка в Кяхте и переиздавалась 4 раза; за «Историческое обо-зрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» (СПб., 1834), труд самостоятельный, не переводный; за «Статистическое описание Китайской империи» (2 ч.). СПб., 1842, ценнейший труд по экономической географии Китая, также вполне самостоятельный, а не переводный, с географическими картами Китая и за «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1-е изд. 1851, 2-е изд. 1950), являющиеся переводом с комментариями Н. Я. Бичурина, главным образом китайских династийных историй о всех народах, с которыми Китай соприкасался в древности и раннем средневековье до начала Х в., как-то народов, обитавших в Средней Азии, Южной Сибири, в Маньчжурии, в Корее и Японии.

² «Анналы», 1923, стр. 261, цитирую по статье Л. Б. Симонивской в «Ученых записках МГУ», № 7, 1948.

³ Там же.

Маньчжурии. Хотя эти работы помещены во втором томе тех же «Собраний сведений», однако значение этих работ далеко недостаточно показано во вводных статьях к «Собранию сведений», а сами работы мало использованы в трудах по истории Кореи, Маньчжурии и даже Японии. По Центральной Азии (или Средпей согласно терминологии, употребляемой Бичуриным), как пишет сам автор в своем «Предуведомлении»¹, ученые Западной Европы вначале основывались на трудах греческих историков и географов, а затем лишь начали разрабатывать и китайские источники» 2 .

Далее, Бичурин писал, что разногласия греческих и китайских исторических памятников западноевропейской наукой обычно разрешались в пользу греков, что западноевропейские ученые «единогласно заключили, что китайцы по своему невежеству перепутали древнюю историю Средней Азии»³. В противовес этим положениям Бичурин выступает с утверждениями, что если читать «китайскую историю в подлиннике, притом без предубеждения против азиатского невежества. . .», если переводить их сведения точно, и перевести все, что написаноо среднеазиатских народах, то они могут существенно дополнить и уточнить сведения греков.

Эти слова Бичурина важны, во-первых, потому, что он осудил и отверг обвинения китайцев в «невежестве», во-вторых, потому, что полный и точный перевод китайских исторических памятников и оценка материалов этих памятников, обогащающих и уточняющих греческие сведения, является вполне правильным тезисом, соответствующим и современным требованиям исторической науки.

Таким образом, даже в своих многочисленных переводных. трудах Бичурин выступал не только как переводчик и комментатор, но и как представитель исторической науки, новатор, введший в научный оборот принципиально новые положения и обогативший пауку новыми материалами огромной ценности. Если переводы Бичурина и его комментарии обогащали,

пополняли и уточняли сведения греческих исторических

¹ «Собрание сведений. . . .», т. I, стр. 8—11.

² «Собрание сведений....», стр. 9. Надо отметить, что в европейской литературе ко времени выхода этого труда Бичурина не было еще переводов с китайского (были только пересказы или переводы с маньчжурского) о народах Средней Азии, а переводы, появившиеся в этой литературе после выхода труда Бичурина, уступали и по объему и по качеству трудам Бичурина. С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 254—255, вводные статьи Бернштама и Кюнера в «Собрании сведений» о переводах. Дегиня, Майя, Абель-Ремюза, Клапрота и т. д. ³ «Собрание сведений», т. І. Предуведомление, стр. 10.

источников по истории Средней Азии, то для истории Маньчжурии, Кореи и Японии его переводы из китайских династийных хроник являются и сейчас единственными письменными памятниками по древней истории и раннему средневековью этих стран ¹.

Бичурии оставил большое научное наследство, для описания которого нужна специальная монография. Мы упомянем лишь семнадцатитомный перевод истории Китая «Тунцзянь-ганму» (XII в.). Этой обширной рукописью далеко не исчерпываются многочисленные переводные труды Н. Я. Бичурина, до сего времени еще не опубликованные.

Самостоятельные исторические исследования Н. Я. Бичурина, опубликованные и неопубликованные, также чрезвычайно многочисленны; он издавал их отдельными монографиями ² или публиковал в различных периодических изданиях. Многочисленные исторические и историко-географические данные, справки, экскурсы в прошлое разбросаны по всем произведениям Бичурина ³. Он отзывался в журнальных статьях, рецензиях на подавляющее большинство выходивших в России и за границей работ о Китае и других странах Востока ⁴.

Бичурин подходил к изучению истории Китая и других стран Восточной и Средней Азии без всяких расовых или религиозных предрассудков и социальные вопросы всегда были

¹ Первые сохранившиеся японские письменные памятники относятся к началу VIII века, по Корее к XII веку. В японской прогрессивной исторической литературе после капитуляции Японии уже вполне твердо установилась точка зрения, что прежние японские исторические работы, писавшиеся на основе японских хроник VIII столетия, фальсифицировали древнюю историю Японии и что строить ее можно главным образом на китайских династийных историях. См., например, Итимура Кисабуро. Химэрарэта Кодай Нихон — Токио. 1953.
² «Записки о Монголии», т. I и II, 1828; т. II специально посвятиления.

² «Записки о Монголии», т. I и II, 1828; т. II специально посвящен истории монголов; «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени». СПб., 1834 (о войнах Китая с монголами и ойратами и т. д.

^{3 «}Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» СПб., 1840. Статистическое описание Китайской империи, ч. І и ІІ, СПб.; Китай в гражданском и нравственном состоянии, ч. 1—4. СПб, 1848 и т. д.

4 О.роли русской синологии 40-х годов XIX в. см., например, письмо

⁴ О-роли русской синологии 40-х годов XIX в. см., например, письмо Вл. Вас. Горского, студента при Пекинской духовной миссии, рано умершего синолога («Богословский Вестник», 1897, май). Горский пишет, что русские «хинологи» приобрели величайшее уважение в Европе, особенно Бичурин. Он объясняет это тем, что западным миссионерам было запрещено жить в Китае и они могли получать сведения о нем только через русских, упуская из виду, что европейцы, несмотря на ограничения, все же оставались в Пекине вплоть до 1826 г. (В. Бартольд. Указ. соч., стр. 100—101), и, кроме того, на юге в Кантоне европейцы и американцы имели возможность изучать Китай.

в поле его зрения. Однако историю он понимал скорее как политическую и дипломатическую, не разбираясь, как и вся домарксистская историография, в значении классовой борьбы ¹.

По отзывам современников, Бичурин идеализировал Китай и существовавшие в нем феодальные порядки ², считал китайский образ правления справедливым, полагая, что всевластие богдыхана ограничено законами, не замечал сплотной коррупции чиновничества, чудовищной эксплуатации крестьянских масс, жестокости законов, ужасающей системы пыток и т. д.

За эту защиту китайской феодально-бюрократической системы Бичурина критиковал В. Г. Белинский, который неолнократно в своих обзорах русской литературы (в 1840, 1841 гг. и т. д.) особо отмечал труды Н. Я. Бичурина как примечательные, достойные внимания и т. д.³ Подвергая подробному разбору книгу Бичурина «Китай в гражданском и нравственном состоянии» (СПб., 1848), Белинский замечал, что в древности Азия была колыбелью культуры, там впервые возникло ремесло, искусство, но затем Азия и Китай в том числе остановились в своем развитии, от столкновения Азии с Европой выигрывала только Европа. Азия продолжала находиться в застое. Законы Китая «сотни веков проходили сквозь горнило опытов и вылились столь близки к истинным началам народоправления, что даже образованнейшие государства могли бы кое-что заимствовать из них». Приводя эту цитату Бичурина, Белинский пишет, что такое изображение Китая, как государства могущественного, государства народного правления — оши-бочно, существует только в представлении Бичурина. В действительности Китай с его 400-миллионным населением не смог ничегосделать против 3 тыс. английских моряков. «Китай силен, но держится пока с севера миролюбием России, с юга боязнью Англии обременять себя дальнейшими завоеваниями».

Мнение Белинского о высокой культуре Азии в древности совпадало с мнением Бичурина в этом вопросе. Но Белинский, кроме того, отметил резкое отставание Азии от Европы в дальнейшем процессе исторического развития и выдвигал вопрос

¹ Л. В. Симонивская. Указ. соч.

² См., например, «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», СПб., 1840. «Китайская чернь по образованию выше черни многих европейских государств». См. также «Китай в гражданском и нравственном состоянии 1848 г.», где Бичурин писал: «Европейцам есть чему научиться у китайцев».

³ В. Г. Белинский. Собр. соч., т. IV, стр. 265, т. V. «Русекая литература в 1840 году», т. VII, стр. 60 и т. д.

³ Очерки по истории востоковедения

величайшей исторической важности — о причинах этого отставания. Для Бичурина, идеализировавшего современный строй Китая, такого вопроса не существовало. Попытки разрешения этой задачи взяли на себя последующие поколения русских историков-востоковедов, но объяснение причин, задержавших развитие Китая, стало возможным лишь для востоковедения, базирующегося на марксистско-ленинской методологии. Самостоятельные исторические исследования и переводные работы Бичурина дали передовой группе историков, работавших после него, документальный материал по древней и средневековой истории стран Центральной и Восточной Азии, показывающий, что эти страны в свое время обладали высокой культурой. В этом огромная заслуга Н. Я. Бичурина.

Несмотря на известную, обусловленную временем ограниченность мировоззрения Бичурина, сказавшуюся в оценке современного ему положения Китая, горячая защита китайского народа от начинающегося порабощения странами Запада, свидетельствует о его прогрессивных взглядах.

Выше уже указывалось, что сам Бичурин подвергался частым репрессиям со стороны правительства и церковных властей. Ему не разрешили, несмотря на его просьбы, снять монашеский сан. Бичурин подвергался также нападкам ученых — реакционеров и публицистов (Сенковский, Клапрот) ¹. Сенковский то упрекал Бичурина за то, что он пишет на русском языке, то чрезвычайно резко выступал против статьи Бичурина, написанной в защиту Китая от европейских «цивилизаторов» ². Однако Бичурин, отлично владея французским языком, продолжал писать свои работы по-русски, так как был патриотом своей родины и русской науки. Не переставал он также и выступать со статьями в защиту китайского народа в период опиумной войны и после нее, когда Англия, Франция и США методически проводили политику превращения Китая в зависимую страну.

Бичурин был тесно связан с прогрессивными кругами русского общества. Советскими историками-востоковедами собрано значительное количество свидетельств современников о близости Бичурина во время его пребывания в Сибири к декабристу Н. А. Бестужеву 3, в Петербурге к А. С. Пушкину, В. Г. Белинскому и другим передовым людям России. Известно,

¹ Л. В. Симонивская, Указ. соч.; «Собрание сведений...», см. введение Бернштама.

 ² Там же, т. І. Введение.
 ³ М. Ю. Барановская. Декабрист Николай Бестужев, стр. 192.

что Н. Я. Бичурин дарил свои книги А. С. Пушкину и, по сло-

вам современников, пробудил в нем интерес к Китаю 1.

Н. Я. Бичурин был общепризнанным прогрессивным крупнейшим синологом. Он выступил с передовыми идеями о защите Китая в то время, когда государства Европы и США подчиняли своему господству Китай и другие страны Восточной Азии, когда буржуазная востоковедная литература этих стран пыталась найти оправдание хищнической агрессии в расовой теории о неполноценности азиатских народов. Вся научная и публицистическая деятельность Н. Я. Бичурина была направлена на противодействие этой человеконенавистнической пропаганде.

* *

В конце 40-х годов XIX в. в России возникли новые научные общества — «Русское географическое общество», «Археологическое общество» и, что особенно важно, в 1855—1856 гг. был организован Восточный факультет Петербургского университета. Все эти учреждения, особенно Восточный факультет, сыграли крупнейпую роль в развитии русского востоковедения. Деятельность этих учреждений развернулась с 50—60-х годов XIX в. и составляет новый этап в истории востоковедной науки.

¹ В вводной статье к новому изданию «Собрания сведений. . .» имеются фотоснимки с титульных листов книг Н. Я. Бичурина с дарственной надписью автора А. С. Пушкину.